

Михаил КОНОВАЛЬЧУК

Тася

Киноповесть

— Как! Как? — спросила Тася. Лошади тронулись. Михаил повеселел. Огляделся. Пейзаж вполне его устроил.

— Что как? — усмехнулся Михаил. — Если бы я не был испорчен медицинским образованием, я бы сказал, что нормальный человек может жить только после укула морфием. Куда к черту годится человек, если малейшая невралгия может выбить его совершенно из седла... Сатанинский огонь в крови. Хочется бежать вперед собственного крика.

— Миша! — укоризненно сказала Тася. — Прекращаются все неприятные ощущения. Это высшая точка проявления духовной силы человека.

— А вот у человека простого, — неожиданно вскричал Михаил, — и болезни простые — то брюхо сводит, то ногу вывернет или с похмелья масть, а у человека образованного сложней болезни — думаю от ума.

Михаил вдруг расхохотался. Тася тоже улыбнулась — ей не хотелось казаться вечной надоедающей клухой. Ей нравилось, когда Михаил шутил, смеялся. В таком состоянии ему все давалось легко — и сложные операции, и дальний путь в ночь-полночь по вызову. В такие минуты он всех, казалось, любил, и его все любили и подчинялись.

Вскоре они въехали в город, где были деревянные мостовые, копыта лошадей зацокали по брусчатке.

На перекрестке стоял живой городской, в витрине смутно виднелись железные листы с рядами пирожных, покрытых рыжим кремом, сено устилало площадь, люди и шли, и ехали, и разговаривали, в будке торговали вчерашними московскими газетами, содержащими в себе потрясающие известия, невдалеке посвистывали московские поезда. Словом, это была цивилизация.

А больница! После сельской, утонувшей в снегах, — в ней, казалось, было все. Хирургическое отделение, терапевтическое, заразно, акушерское. Была операционная, в ней сиял автоклав, серебрились краны, столы раскрывали свои хитрые лапы, зуббы, винты, аптека, лаборатория. Были старший врач, г-н Никольский, ординатор, фельдшер Тихон Абрамович, резонер и тихущник, акушерки, сиделки. Одноэтажные корпуса больницы в сумерки, словно по команде, загорались электрическим светом.

В ванных бушевала и гремела вода, и деревянные измызанные термометры вырыли и падали в них.

В детском заражном отделении весь день стояли стоны, слышался тонкий жалостливый плач, хриплые бульканье.

Поселилась молодая чета в небольшом деревянном доме с тремя комнатами — спальня, кабинет, столовая и кухня.

Кухарка Акинья встречала хозяев с пектумом на руках. Тот тревожно огляделся, пытаясь вырваться. Петух был стар и отработал свое. Его бывший соперник, Петруша, бродил невдалеке, искося поглядывая, словно догадываясь о дальнейшей судьбе Петра Петровича, словно дразня его, делал вид, что разгреб в земле особо лакомую поклеву и сзывал глупых кур звонким клекотом. Куры бежали, разгребали лапами влажную землю, поклевали какую-то чушь и, если это было несъедобно, вытряхивали в сторону, мотнув клювом. Петруша, казалось, посмеивался.

Тася и Михаил, стоя у окна, наблюдали эту куриную жизнь. Начинаясь собственная новая жизнь им нравилась.

— Господин доктор! — постукав, вошла Акинья, — воду я поставила греть. На ужин будет курник с пирогами. Еще что пожелаете?

— Пошли кого-нибудь за пирогами. Мы, проезжая, видели — необычайные! — попросила Тася.

— А пойдем сегодня в кинематограф! — сказал Михаил.

— Опасно вечером — постреливают, — сообщила Акинья.

— А что, революция и досюда дошла? — спросил Михаил.

— Революция али нет, но безобразий много. Голота грабит дома по ночам. А рабочие отряды сами ломают подвалы с вином. Среди бела дня.

По двору бродил, словно что-то потеряв, мужчина лет 40. Наконец, он направился в дом.

— Ой, заговорила я! — спохватилась Акинья и передала петуха мужчине.

— Тихон Абрамович, фельдшер, — представился мужчина, принимая петуха.

— Бомгард, Михаил Афанасьевич, — представился Михаил. — Татьяна Николаевна, — кивнул на Тасю.

Петух отчаянно трепыхался в руках у фельдшера.

Красные с черным перья вполне соответствовали выражению — «пустить петуха».

— Не петух, а пожар с крыльями.

— Как символ нашего времени, — велеречиво и многозначительно сказал Тихон Абрамович.

Михаил усмехнулся.

— Вы не болыны? — поинтересовался фельдшер уже уходя, — с глазами у вас что-то. Нездоровится?

— Нет, нет. Устал с дороги, — поспешно ответил Михаил.

— Этого еще не хватало, — с огорчением сказал Михаил.

Он какой-то скользящий и двусмысленный, — задумчиво сказала Тася, — как будто думает одно, говорит другое. Говорят, зубы хорошо рвет.

— Нужно будет поассистировать.

— Уж да. Век не забуду, как ты с куском челисти вырвал коренной у сгера.

— Ох, терпелив мужик оказался. Смوتри! — кивнул Михаил на окно.

Во дворе фельдшер уложил на чурку красного петуха. Акинья отняла его голову. Фельдшер, придерживая его за крылья, правой коротко и точно секанул по шее.

Молодой Петруха с интересом наблюдал за экзекуцией. Он важно вышагивал перед курами, словно молодой король, отправивший на плаху своего соперника. В общем, для самоуверенности он намеревался окружить, что по его желанию фельдшер любому оттяпает башку. Короче, что бы ни происходило, — все работало на Петруху, на его славу, на процветание. Только псина, беспородный барбос, этого не сознавал — Петруху вызывал в нем лишь ленивый интерес, а курей он гонял нещадно, так как те норовили нагадить у его будки.

Акинья отвернулась и закрыла глаза. Вскоре она их открыла, держа в руках голову петуха.

Глаза его заткнулись пленкой, затем расширились. Акинья взвизгнула. Ей показало, молодой дуре, что петух ее клонюл.

От визга фельдшер вздрогнул и отпустил трепыхающегося петуха.

Тот вскопчил на ноги и рванул по двору. Без головы!

Видя это, Петруха в ужасе вскопчил на забор. Позорные изменияшки, кулачата и поборы крича, чуть ли не «ратуйте, убивают!», бросились врассыпную.

Петух дал круга по двору и, если бы не отсутствующие головы, казалось, что бежит по арене окровавленный гладиатор-победитель. Но не завершив круг, петух замедлил бег, сделал еще несколько заплетающихся шагов и рухнул.

Экран и сцена —

Действующие лица:

1. Мих. Бомгард — врач, 26 лет
2. Тася — его жена, 22 года
3. Фельдшер, Тихон Абрамович, 45 лет
4. Чалый Никифор — конюх, сторож — 40 лет
5. Акинья — кухарка
6. Покровский — врач-психиатр, 50 лет
7. Кронин Василий-унтер-офицер, чл. РСДРП
8. Поэт — 23 года, пиззофреник
9. Петрушин — экседутат, 45 лет, душевнобольной
10. Карапет — комиссар по заготовкам, гипофизный нацист
11. Степан — его помощник
12. Пришелец, Незнакомец — 40-45 лет, Толстячок, Квадратный, его сыновья
13. Мужик с вилами — 40-45 лет
14. Медсестра
15. Зеленоглазая девушка — поэтесса Цветаева
16. Маяковский Владимир — поэт
17. Бунин Иван — писатель
18. Горький Максим — писатель
19. Иностранный дипломат

А также: крестьянин, матросы, солдаты, рабочие, обыватели, студенты, пациенты "дома скорби", полицейские, лошади, собаки.

«В мире борется Бог с дьяволом, а поле битвы — душа человека»
Ф.М.Достоевский

Городок, в котором им предстояло жить, количеством куполов на квадратный километр напоминал родной город Киев. Особенно после их долгого пребывания в деревне.

Деревенский быт въелся во все — в небритость Михаила, молодого врача, в животный покой и созерцательность при долгой раздолбанной дороге, и даже шапочка на Тасе, его юной жене, сидела как-то по-деревенски, надвинутая на самые глаза, которые были словно повернуты внутрь.

Никифор, по фамилии Чалый, ловко оббегал колдобины и с удовольствием кричал, хваля и подбодряя себя:

— Эх, пойдет юзом под бугорок! Мать твою пятачок.

Михаил пытался дремать, его поколачивало. Он кутался в тулуп, стараясь не смотреть на убогий Смоленский пейзаж: мокрые, серые осенние леса, кое-где в поле, встаканном под зябь, виднелись мазики серого снега, не растаявшие с ночи.

Каркало воронье. Было тоскливо, и Михаил старался останавливать взгляд на песчовой выторочке своей юной жены, которая сидела к ним спиной, держа саквояж на коленях.

— Господин доктор! А дед мне рассказывал, что вокруг города был страшный змеюшник.

Михаил с тоскливым интересом посмотрел на Никифора.

— Так вот, — продолжал свою неторопливую речь Никифор, — был змеюшник... но пришел отец Гермоген, построил келью...

Вдруг Михаил вскрикнул от ужаса — наперез им бежал босой мужик в одной рубахе и портках, даже издалека было видно его лицо — заросшая рыжим волосом морда злобного пса. В руках у него были вилы — он их держал над головой, словно хоруговь, яростно и торжественно.

Михаил ошарашенно смотрел по сторонам — страшный мужик пропал, словно не было его вовсе.

— Сейчас, сейчас. Это почудилось. Отдай пистолет. Я уколо.

Никифор придержал лошадей и оторопело смотрел на доктора. Пока Тася набирала раствор в шприц, доктор освободил руку из тулупа, не глядя ни на Никифора, ни на Тасю. Он смотрел на лошадей — они были рады неожиданной остановке, склонились, раздвигая своими нежными губами пожухлую траву в придорожной грязи, пощипывая остатки зеленых ростков.

Тася сделала укол.

Беспокойство прошло через несколько минут. Михаил перестал задыхаться.

И вдруг что-то парализовало толпу. Михаил и Тася, увидев происходящее, решили было идти обратно — какой кинематограф, но заинтересовались неходящей тишиной: смолкла гармошка, утих гул голосов и возбужденные крики.

На толпу шел небольшой отряд из 12 человек, четко держа равнение с трехлинейными в руках, в кожаных куртках, с красными бантами на них.

— Коммунары! — крикнули из толпы. Толпа заволновалась.

Впереди шел крепкий мужчина, с тем особым выражением лица, в котором угадывалось военное воспитание. Кронин Василий.

— В белом венчике из роз, — процитировал Михаил. Раздалась краткая команда. Коммунары моментально перестроились в цепь, чувствовалась военная подготовка.

— Товсь! — скомандовал Кронин. Толпа пархнула. Толпа всегда боится отлаженного как бы бездумного механизма.

— Па-пра-шу! Ра-зойтись! — громко крикнул Кронин. В коммунаров полетело несколько камней.

— Воздух! Пли! — косо рубанул рукой утер-цер Кронин. Раздался залп, словно треснуло могучее дерево. Многие побежали.

Но в ответ на залп кто-то из толпы бросил в Кронина круглый пакет. Бомба! Под ногами у утера полькнуло, и раздался грохот. Кронин рухнул растерзанный.

— Тася! Извозчика! — крикнул Михаил и бросился к истекающему кровью раненому.

— Электричество отключили! — виновато сказал фельдшер. На электростанции авария.

— Началось! — констатировал Михаил, тщательно моя руки. — Затем отключат воду, будут обобществлять жен.

— Думаете, будут общими? — спросил фельдшер. На его куцем пиджаке красовался красный бант.

— А что же. Долой стыд! А это зачем? — ткнул пальцем в бант Михаил.

— Я член РСДРП.

— В операционной мы все одной партии, а вождем у нас Гиппократ.

— Скоро все изменится, — многозначительно сказал фельдшер.

— А что вы хотите изменить? — поинтересовался Михаил.

— Михаил стал тыкать пинцеты, где предполагались «arteria», и вскоре они уже висели гроздьями, затем отгнул их вместе с марлей, и мелкозубой ослепительной пилот стал пилить белую кость.

Фельдшер ловко и беззвучно ассистировал ему. Затем выжали лигатурами, целая колленион, зашпавли кожу.

— Жив? — спросил фельдшер.

— Жив, — ответил Михаил.

— Еще минуточку поживет, — одними губами сказал фельдшер... — может, вторую ногу не трогать?

— Гипс давайте, — силно сказал Михаил и оглядел утера — треть тела осталась в операционной.

— Живет! — удивился фельдшер. Михаил мыл руки в операционной.

— Вы, видно, много делали ампутаций? — поинтересовался фельдшер.

— Кем... — не зная, что ответить, откашлялся Михаил. — В первый раз, — признался он.

Фельдшер с изумлением смотрел на молодого врача:

— А ведь не хуже Покровского...

— Как умрет, обязательно пришлите за мной.

— Слушаю-с, — ответил почтительно фельдшер.

И вдруг что-то парализовало толпу. Михаил и Тася, увидев происходящее, решили было идти обратно — какой кинематограф, но заинтересовались неходящей тишиной: смолкла гармошка, утих гул голосов и возбужденные крики.

На толпу шел небольшой отряд из 12 человек, четко держа равнение с трехлинейными в руках, в кожаных куртках, с красными бантами на них.

— Коммунары! — крикнули из толпы. Толпа заволновалась.

Впереди шел крепкий мужчина, с тем особым выражением лица, в котором угадывалось военное воспитание. Кронин Василий.

— В белом венчике из роз, — процитировал Михаил. Раздалась краткая команда. Коммунары моментально перестроились в цепь, чувствовалась военная подготовка.

— Товсь! — скомандовал Кронин. Толпа пархнула. Толпа всегда боится отлаженного как бы бездумного механизма.

— Па-пра-шу! Ра-зойтись! — громко крикнул Кронин. В коммунаров полетело несколько камней.

— Воздух! Пли! — косо рубанул рукой утер-цер Кронин. Раздался залп, словно треснуло могучее дерево. Многие побежали.

Но в ответ на залп кто-то из толпы бросил в Кронина круглый пакет. Бомба! Под ногами у утера полькнуло, и раздался грохот. Кронин рухнул растерзанный.

— Тася! Извозчика! — крикнул Михаил и бросился к истекающему кровью раненому.

— Электричество отключили! — виновато сказал фельдшер. На электростанции авария.

— Началось! — констатировал Михаил, тщательно моя руки. — Затем отключат воду, будут обобществлять жен.

— Думаете, будут общими? — спросил фельдшер. На его куцем пиджаке красовался красный бант.

— А что же. Долой стыд! А это зачем? — ткнул пальцем в бант Михаил.

— Я член РСДРП.

— В операционной мы все одной партии, а вождем у нас Гиппократ.

— Скоро все изменится, — многозначительно сказал фельдшер.

— А что вы хотите изменить? — поинтересовался Михаил.

— Михаил стал тыкать пинцеты, где предполагались «arteria», и вскоре они уже висели гроздьями, затем отгнул их вместе с марлей, и мелкозубой ослепительной пилот стал пилить белую кость.

Фельдшер ловко и беззвучно ассистировал ему. Затем выжали лигатурами, целая колленион, зашпавли кожу.

— Жив? — спросил фельдшер.

— Жив, — ответил Михаил.

— Еще минуточку поживет, — одними губами сказал фельдшер... — может, вторую ногу не трогать?

— Гипс давайте, — силно сказал Михаил и оглядел утера — треть тела осталась в операционной.

— Живет! — удивился фельдшер. Михаил мыл руки в операционной.

— Вы, видно, много делали ампутаций? — поинтересовался фельдшер.

— Кем... — не зная, что ответить, откашлялся Михаил. — В первый раз, — признался он.

Фельдшер с изумлением смотрел на молодого врача:

— А ведь не хуже Покровского...

— Как умрет, обязательно пришлите за мной.

— Слушаю-с, — ответил почтительно фельдшер.

Тася читала. Она оторвалась от книги, посмотрела на Михаила. Тот, ни слова не говоря, стал открывать один за другим ящики письменного бюро.

— Где ключи, Тася? — дрожащим голосом сказал Михаил. Ключи от аптеки.

Тася приподнялась и сказала решительно:

— Не дам.

— Тася, будь добра, дай ключи от аптеки. Я тебе говорю как врач.

Лицо Таси изменилось, побелело, глаза углубились, провалились, почернели.

— Зачем ты говоришь так? Я же жалую тебя. Нужно что-то делать.

Неимоверная раздражительность напала на Михаила.

— Я повторяю, Тася, дай, пожалуйста, ключи! — раздельно, по слогам сказал Михаил, руки его тряслись.

Тася извлекла из кармана халата ключи. Михаил вырвал их из рук, резко открыл

Экран и сцена —

дверь и поспешил к белеющему корпусу больницы по гнилым, прыгающим мосткам.

За ним, как верная собака, пошла Тася, забыв нагнуть хоть что-нибудь на халат.

Неожиданно откуда-то явился фельдшер, но, видя, что врач не в духе, исчез.

Михаил стал готовить раствор морфия для подкожного впрыскивания. Это у него плохо получалось.

— Давай я, — предложила Тася, понимая безысходность ситуации. При впрыскивании почти мгновенно наступал состояние спокойствия, переходящее в восторг и блаженство. И позиди уже боль, ужас и тьма... И даже хриплые звуки подгульавшей гармошки, глухо летящие сквозь стекло, становялись ангельскими голосами, а грубые басы в раздувающихся мехах гудят, как небесный хор...

Тася прижалась к рукам Михаила и быстро заговорила:

— Я не сержусь на тебя, нет. Я теперь уже знаю, что ты пропадешь. Уже знаю и проклинаю себя за то, что сделала тебе впрыскивание.

— Тася! — укоризненно сказал Михаил. — Morphium hydrochloricum — грозная штука, привычка создается очень быстро, но маленькая привычка не есть морфинизм.

Но вот мгновение и наркотик в крови, по какому-то таинственному закону, не описанному ни в какой из фармакологий, превращается во что-то новое. Это новое — смесь дьявола с человеческой кровью. Дьявольский огонь в крови, Господи, прости! И никнет ненавидимая гармошка, а закат, полыхая, выбегает изнутри. Сердце начинает стучать так, что чувствуется в руках, висках, а потом оно проваливается в бездну.

— Сколько ты сейчас впрыснула?

Тася пробормотала что-то невнятное.

Михаил сразу повеселел, словно ничего и не было. Собрал шприц, выбросил пустую ампулу, но предвительно размяв ее пестиком из-за предосторожности. Фельдшер мог заметить большое количество пустых ампул.

Михаил в пиджаке полудежал, укрупившись пледом. На толстой медицинской энциклопедии он пристроил блокнот с листками в клеточку.

— А ты что делаешь? — спросила из кухни Тася. Она тоже полудежала в огромной деревянной лохани, которую использовали для стирки и мытья.

— Я пишу.

— Что ты пишешь? Почитай... — весело попросила Тася.

— Нет, — ответил Михаил также весело. — Отчего, Миша?

— Ты сочтешь меня сумасшедшим. Ты натура впечатлительная.

— Я всегда тебя считала сумасшедшим.

— Словно от взгляда ее, стояя воронья взметнулась к небу и стала полкаться среди серых туч.

Триста лет жила итца! — задумчиво сказал нищий, по виду сумасшедший. Вместо обуви на ногах у него были разноцветные тряпки, как-то по-особенному приспособленные — в виде метелки, он ими при ходьбе заметал потухшую листву испальной осени. Какая-нибудь птаха жила еще во времена младенчества Ивана Грозного. Надо же!

И, не поспевая денег, что Тася достала копейку, удалился, выполняя важную миссию по разгребанию листьев.

Тася наклонилась над стойкой. Кособокый провизор, кляксистый, словно вепрь, копошился под прилавком, вскрывая картонные коробки с пилюлями.

— Что-с? — спросил он.

— Вот требование: калыций, сулема, морфий и кофеин.

— Так, так, — прочитал прошение провизор, заверенное личной печатью доктора Бомгарда, — сколько морфия? — он пристально (или показало, что пристально) посмотрел на Тасю, — 40 граммов? Такого количества нет. Граммов десять выделю. На прошлой неделе доктор Бомгард сам и брал... приличное количество. Зачем так много?

— В городе были беспорядки. Много раненых, — Тася не выдержала взгляда и опустила глаза.

— Да-да, — фальшиво сказал провизор. — Оно все понятно. Значит... 10 граммов... — и выдал Тася пакетик с лекарством.

Тася выложила купюру, но сдачи не последовало.

Провизор углубился в сортировку лекарств.

Тася почти выскочила за дверь. А тут еще фельдшер с красным бантом появился, словно из-под земли, как говорит, словно соткался из воздуха.

Запели скрипки, а к ним подключились иные инструменты.

Тасе стало весело, она улыбнулась своему отражению и, что самое интересное, — из зеркала на нее глянуло ее детское лицо, лет 10-12-ти, в веночке из летних цветов. За ее спиной возник ее брат, Костя, застрелившийся в юности. Он ей что-то говорил, что-то веселое — он тоже слышал эту музыку...

А Тася никак не могла взять в толк, что хочет от нее Костя, и смеялась, пересипавшая. Наконец, Костя не выдержал, подхватил ее, и они закружились в вальсе.

Тася смеялась.

Кружа сама с собой, весело смеясь, она вылетела к Михаилу. Тот рад был веселью Таси, ему надели ее слезы, и вот она, раньше всегда веселая, предприимчивая и легкая, снова смеется.

Михаил отбросил лисание, сбросил плед и, сунув ноги в остроносые персидские мягкие тапочки, подхватил Тасю в талие, и они завылились среди брошеной одежды, неразобранных вещей.

Им обоим было весело и хорошо. Музыка наполняла их, наполняла комнату, вибрировала во всех предметах, вибрировал дом, и казалось, распространялась дальше, по всей улице, по Московской, с ее темными, вросшими в землю деревянными домами, хозяйственными постройками с домашней живописью, с водонапорной башней из красного кирпича, с былинкой громоздкого на самом вершине.

Они спали обнявшись. Полная луна разливала тревожный свет, и все в спальне — и мебель, и вещи, и сами молодые, красивые Михаил и Тася, — казалось, были отлиты из серебра каким-то волшебным Мастером. И только серебристые капли, капающие из крапа, оживляли этот лунный покой; казалось, они отсчитывали какое-то неизвестное кем назначенное время, что создавало неясное чувство тревоги, которая, как та капля, точащая камень, подтачивала временный покой и мир спящих...

Тася спешила по Московской на Соборную площадь, где находилась аптека и складские помещения. Почти пробежала, только на секунду остановившись напротив разрушенного детина, старого города с высокой колокольней, купол которой был похож на сгоревший абжур лампы, — осталась лишь ребра кожаной арматуры, венчающие покосившийся крест.

Словно от взгляда ее, стояя воронья взметнулась к небу и стала полкаться среди серых туч.

Триста лет жила итца! — задумчиво сказал нищий, по виду сумасшедший. Вместо обуви на ногах у него были разноцветные тряпки, как-то по-особенному приспособленные — в виде метелки, он ими при ходьбе заметал потухшую листву испальной осени. Какая-нибудь птаха жила еще во времена младенчества Ивана Грозного. Надо же!

И, не поспевая денег, что Тася достала копейку, удалился, выполняя важную миссию по разгребанию листьев.

Тася наклонилась над стойкой. Кособокый провизор, кляксистый, словно вепрь, копошился под прилавком, вскрывая картонные коробки с пилюлями.

— Что-с? — спросил он.

— Вот требование: калыций, сулема, морфий и кофеин.

— Так, так, — прочитал прошение провизор, заверенное личной печатью доктора Бомгарда, — сколько морфия? — он пристально (или показало, что пристально) посмотрел на Тасю, — 40 граммов? Такого количества нет. Граммов десять выделю. На прошлой неделе доктор Бомгард сам и брал... приличное количество. Зачем так много?

— В городе были беспорядки. Много раненых, — Тася не выдержала взгляда и опустила глаза.

— Да-да, — фальшиво сказал провизор. — Оно все понятно. Значит... 10 граммов... — и выдал Тася пакетик с лекарством.

Тася выложила купюру, но сдачи не последовало.

Провизор углубился в сортировку лекарств.

Тася почти выскочила за дверь. А тут еще фельдшер с красным бантом появился, словно из-под земли, как говорит, словно соткался из воздуха.

Экран и сцена —